

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.072-080

В. Д. Росляков*

Уголовно-правовая политика в сфере экономики: обзор изменений законодательства в 2024 г.

Аннотация. Статья посвящена оценке последних законодательных изменений, нацеленных на формирование дифференцированных направлений уголовно-правовой политики в сфере регулирования и охраны публичных и частных экономических отношений. Автор приходит к выводу о важности использования более системного подхода при внесении изменений, направленных на охрану налоговых правоотношений. Конкретизацией данного вывода выступает констатация необходимости дополнения механизма уголовно-правового регулирования в части ответственности за организацию деятельности по представлению в инспекцию и сбыту заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов) (ст. 173.3 УК РФ) методом поощрения — специальными обстоятельствами, освобождающими от уголовной ответственности. Делается вывод о том, что динамика размеров значимого для составов экономических преступлений ущерба не ведет к снижению интенсивности уголовно-правового регулирования и охраны соответствующих отношений (как публичных, так и частных), а сохраняет уровень уголовно-правового воздействия на них. Указывается, что системность уголовно-правовой политики в сфере экономики (с учетом ее дифференциации на частный и публичный аспект) может быть достигнута посредством разработки ее стратегии.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика в сфере экономики; дифференциация ответственности; налоговые преступления; поощрение; ограничение ответственности; крупный ущерб; системность изменений; стратегия уголовной политики; поддельные счета-фактуры; инфляция.

Для цитирования: Росляков В. Д. Уголовно-правовая политика в сфере экономики: обзор изменений законодательства в 2024 г. // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 11. — С. 72–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.072-080.

Criminal Law Policy in the Economic Sphere: An Overview of Legislative Amendments in 2024

Vladislav D. Roslyakov, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Lawyer, «Olga Renova & Partners» Law Firm, Moscow, Russian Federation
roslyakov.vladislaus@yandex.ru

Abstract. The paper provides for the assessment of recent legislative changes aimed at shaping differentiated directions of criminal law policy in the regulation and protection of public and private economic relations. The author concludes that a more systemic approach is required when introducing amendments aimed at safeguarding tax relations. As a specification of this conclusion, the need is asserted to supplement the criminal-law regulatory mechanism concerning liability for organizing activities to submit to the tax authority and to market knowingly forged invoices and tax returns (Art. 173.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) by means of incentives,

© Росляков В. Д., 2025

* Росляков Владислав Дмитриевич, аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), юрист Адвокатского бюро города Москвы «Ольга Ренова и партнеры»

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
roslyakov.vladislaus@yandex.ru

i.e., special circumstances that would exempt from criminal liability. It is argued that changes in the thresholds of damage significant for the elements of economic offenses should not be interpreted as a reduction in the intensity of criminal-law regulation and protection of the relevant relations (both public and private), but rather as a maintenance of the level of criminal-law impact on them. The paper further notes that achieving systematic criminal-law policy in the economic sphere (taking into account its differentiation into private and public aspects) requires the development of a coherent strategy.

Keywords: criminal-law policy in the economic sphere; differentiation of liability; tax crimes; incentives; limitation of liability; significant damage; systemic nature of changes; strategy of criminal policy; forged invoices; inflation.

Cite as: Roslyakov VD. Criminal Law Policy in the Economic Sphere: An Overview of Legislative Amendments in 2024. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(11):72-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.180.11.072-080.

В 2021 г. Президент РФ обозначил стратегические направления укрепления национальной безопасности Российской Федерации. Так, в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400¹ фигурировали следующие задачи, направленные на усиление экономической безопасности страны:

- снижение доли теневого и криминального секторов экономики;
- снижение уровня коррупции в предпринимательской среде;
- пресечение монополистической деятельности и антиконкурентных соглашений;
- деофшоризация экономики;
- совершенствование системы государственного контроля в сфере экономической деятельности и т.д.

В упомянутом политico-правовом документе названы исключительно направления, реализуя которые Российская Федерация сможет укрепить собственную экономическую безопасность. Однако данная стратегия не содержит конкретизации правовых и организационных средств, посредством применения которых данные задачи должны быть решены. Законодатель для реализации направлений обеспечения эконо-

мической безопасности может в полной мере использовать весь спектр правового инструментария, в том числе уголовно-правовые меры.

Осуществить такой подход позволяет и отсутствие документально закрепленных направлений именно уголовно-правовой политики: специального стратегического документа, указывающего эти направления, по настоящий момент не принято. Вместе с тем необходимость подобной концепции не вызывает сомнений, что подтверждается проявлением особого внимания к данному вопросу со стороны Министерства юстиции Российской Федерации² и ученых в сфере уголовного права³.

Как верно отмечает Н. С. Грудинин, в идеале именно уголовно-правовая политика должна предопределять содержание уголовного закона⁴. Таким образом, сначала разрабатывается концепция, а затем вносятся законодательные изменения. Однако на практике все складывается иначе. При отсутствии концепции выявить направления уголовно-правовой политики регулирования и охраны отношений в сфере экономики возможно, лишь анализируя изменения, которые вносятся в действующее законодательство. Экономическая сфера является одной из

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² В Минюсте России обсудили вопросы подготовки Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49883/> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Гриальская С. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Современное право. 2024. № 4. С. 106–110.

⁴ Грудинин Н. С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 2 (847). С. 135.

наиболее интересных и значимых для подобного анализа.

За 2024 г. уже традиционно законодатель внес большое количество изменений в уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за преступные посягательства на экономические отношения. И оценка подобных изменений может быть неоднозначной:

— с одной стороны, некоторые изменения свидетельствуют о снижении интенсивности использования уголовно-правового инструментария для охраны экономических отношений и их замены иными правовыми средствами (механизмами гражданско-правовой защиты);

— с другой стороны, такого рода изменения указывают на снижение темпов либерализации уголовного законодательства по охране именно публичного экономического интереса.

В связи с этим закономерно новшества уголовного законодательства за 2024 г. рассматривать в двух плоскостях: с позиций уголовно-правовой охраны публичного экономического интереса и с позиций уголовно-правовой охраны частного экономического интереса. Верность такого подхода исследования преступлений в сфере экономики отмечается и в научной литературе. Так, О. А. Зайцев и С. Л. Нудель указали, что в гл. 22 УК РФ законодатель предусмотрел две группы преступлений, посягающих на разнородные по характеру регулирования отношения в сфере экономики: преступления, посягающие на частные экономические интересы, и преступления, посягающие на публичные экономические интересы⁵. Соответственно, неоднородность характера общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране нормами гл. 21–23 УК РФ, предполагает применение раз-

личных (и даже противоположных) стратегий уголовно-правовой политики к таким группам отношений. Представляется, что приведенный подход к рассмотрению обозначенных вопросов в области уголовно-правового регулирования и охраны отношений в сфере экономики хотя и является рациональным, но не отражается в современной действительности.

Если ранее, как справедливо отметил С. Д. Гринько, уголовно-правовая политика в сфере экономики (в том числе по борьбе с налоговой преступностью) имела либеральный характер⁶, то сейчас в рамках охраны публичных экономических интересов прослеживаются определенные изменения. За последний год законодатель снизил темпы либерализации уголовно-правовой охраны налоговых правоотношений. Так, им была введена уголовная ответственность за организацию деятельности по представлению в инспекцию и сбыту заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов) (ст. 173.3 УК РФ)⁷. Согласно пояснительной записке к соответствующему законопроекту, введение нового состава преступления направлено на заполнение пробела в уголовном законодательстве. Так, по ст. 199 УК РФ лицо, представившее заведомо подложный счет-фактуру, не привлекается к уголовной ответственности в связи с тем, что оно не уклонялось от уплаты налога. Доход, полученный за представление заведомо подложного счета-фактуры, также находится вне воздействия уголовно-правовой охраны ввиду того, что такое действие не охватывается ни одним из имеющихся составов преступлений⁸. Соответственно, введение уголовной ответственности за совершение указанных действий обусловл

⁵ Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения) : монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель ; ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Контракт, 2021. С. 80.

⁶ Гринько С. Д. Уголовная политика России в сфере противодействия экономической преступности // Аграрное и земельное право. 2021. № 11 (303). С. 134.

⁷ Федеральный закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7213.

⁸ Пояснительная записка к законопроекту № 263208-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 28-1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части установления ответственности за сбыт и представление в налоговые органы заведомо подложных

лено минимизацией факторов, способствующих уходу лиц от исполнения обязанности по уплате налогов и сборов.

Анализируя составы преступлений, предусмотренных статьей 173.3 УК РФ, стоит отметить ряд моментов. Из судебной практики арбитражных судов по рассмотрению дел об оспаривании решений налоговых органов о привлечении к налоговой ответственности усматривается, что использование поддельных счетов-фактур является одним из основных способов получения незаконной налоговой выгоды в результате неправомерного применения налоговых вычетов по НДС. Более того, в таком случае судами устанавливается вся цепочка контрагентов, которые состоят в сговоре, и в том числе лиц, которые представили недостоверные счета-фактуры⁹. В уголовных делах по составам, предусмотренным статьей 199 УК РФ, суды устанавливают аналогичные обстоятельства (организацию формального документооборота с фирмами-однодневками для необоснованного применения налоговых вычетов по НДС)¹⁰. Как правило, для реализации подобных схем ухода от налогообложения используются «технические» компании, что подразумевает отсутствие реальной экономической деятельности, наличие номинального генерального директора у организации и т.д. «Технические» компании находятся под полным контролем и фактическим управлением налогоплательщика, использовавшего соответствующие счета-фактуры для ухода от налогообложения.

При этом в ч. 1 ст. 173.3 УК РФ установлена ответственность именно за организацию деятельности по представлению в налоговые органы и сбыту заведомо подложных счетов-фактур. Следовательно, в ситуации, когда имеет место использование «технических» компаний

для изготовления и представления заведомо поддельных счетов-фактур в налоговые органы, налогоплательщик, выступивший организатором преступной схемы, подпадает под уголовную ответственность и по ст. 173.3, и по ст. 199 УК РФ. Такой вывод следует из правил квалификации преступлений по объективной стороне. Организация деятельности по представлению заведомо подложных счетов-фактур в налоговые органы в случае подчиненности «технических» компаний налогоплательщику является способом совершения преступного деяния, предусмотренного частью 1 или 2 ст. 199 УК РФ. Соответственно, оценивая санкции ч. 1 ст. 173.3 и ч. 1 ст. 199 УК РФ, стоит заключить, что способ совершения преступления в данном случае является более общественно опасным, чем само деяние, а значит, лицо (генеральный директор организации-налогоплательщика) будет нести ответственность по двум указанным составам преступлений.

Таким образом, с целью повышения интенсивности уголовно-правовой охраны налоговых правоотношений законодатель предусмотрел состав преступления, устанавливающий уголовную ответственность за способ совершения преступления, предусмотренного статьей 199 УК РФ, и оценил подобный способ как более общественно опасный, нежели само деяние. Указанная новелла, безусловно, повышает возможности применения уголовной ответственности для предупреждения посягательств на нормальный порядок налогообложения. Об эффективности и целесообразности этого нововведения стоит говорить после его применения на практике. Вместе с тем вопросы квалификации данного состава не вызывают особых сложностей, поскольку все предполагаемые различия признаков будут «мнимой» неопределенностью,

счетов-фактур и налоговых деклараций) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/263208-8> (дата обращения: 17.03.2025).

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.02.2025 по делу № А40-273151/2022 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2024 № 09АП-56778/2024 по делу № А40-25733/2024 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁰ Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 27.04.2022 по делу № 22-574/2022.

т.е. не будут достигать той степени неопределенности, при которой норма не может регулировать общественные отношения¹¹.

Но уже в настоящее время ввиду внесения таких изменений в законодательство можно сделать значимый вывод об избранном направлении уголовно-правовой политики по регулированию и охране публичных отношений в сфере экономики: законодатель не настроен на отказ от использования уголовно-правового инструментария для противодействия посягательствам на установленный порядок уплаты налогов и сборов. Стоит отметить, что обоснованность сохранения уголовной ответственности за уход от налогообложения высказывается и в научной литературе. В частности, Ю. В. Николаева и О. А. Северюхина считают, что отказ от уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов есть излишняя либерализация уголовного законодательства¹². В связи с этим тенденции либерализации, которыми ранее характеризовали уголовно-правовую политику в сфере налогообложения, сейчас претерпевают определенную стагнацию.

Представляется, что, несмотря на существующие объективные показатели необходимости борьбы с неисполнением конституционной обязанности по уплате установленных налогов и сборов, реакции законодателя наподобие введения ст. 173.3 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за частные действия, которые способствуют совершению налоговых преступлений, нельзя считать оправданной мерой. Так, возможность привлечения к уголовной ответственности за представление в налоговый орган заведомо поддельных счетов-фактур является неэффективным мотивирующим фактором отказа от преступной деятельности для лица, реализующего умысел на уход от налогообложения. В свою очередь лица, организующие исключительно сбыт поддельных счетов-фактур, вполне могут осуществлять подобную деятельность на суммы до 3,5 млн руб. и таким образом

избегать уголовной ответственности ввиду материальной конструкции состава ст. 173.3 УК РФ.

Следует также учесть потенциальное негативное влияние подобной уголовно-правовой меры на процесс сбора доказательств налоговыми органами в рамках выездных налоговых проверок: лица, осознавая риски уголовной ответственности по ст. 173.3 УК РФ, впредь не будут сотрудничать с налоговыми и правоохранительными органами в рамках выездных и камеральных налоговых проверок или уголовных дел, возбужденных по ст. 199 УК РФ в отношении налогоплательщика, получившего необоснованную налоговую выгоду в результате использования поддельных счетов-фактур.

Приведенные аргументы подтверждают, что в рамках уголовно-правовой политики регулирования и охраны налоговых правоотношений законодателю стоит рассмотреть возможность развития соответствующих специальных поощрений в рамках уголовного законодательства для потенциальных субъектов преступления, предусмотренного статьей 173.3 УК РФ (в частности, специальные обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности). В целом надлежащей мерой реагирования на различные налоговые схемы является исключение возможности злоупотребления предоставленными налогоплательщикам правовыми средствами, в частности, путем совершенствования системы налоговой отчетности, предполагающей раскрытие реальных экономических отношений с их последующей проверкой со стороны налоговых органов. При наличии серьезных штрафных санкций, уже в настоящее время предусмотренных налоговым законодательством, необходимость уголовно-правовой реакции на злоупотребления в сфере налоговых правоотношений будет сведена к минимуму. Таким образом, потенциальные преступники должны быть лишены фактической возможности скрытия от налоговых органов значимой для целей налогообложения информации.

¹¹ Яни П. С. Неопределенность уголовно-правового регулирования отношений в сфере экономики: действительная и мнимая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 2. С. 25.

¹² Николаева Ю. В., Северюхина О. А. Тенденции развития уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления // Образование и право. 2020. № 3. С. 361.

О неопределенности уголовно-правовой политики в сфере налоговых правоотношений свидетельствуют и иные изменения законодательства. Так, в 2024 г. были увеличены размеры дохода и ущерба, образующие составы экономических преступлений. Некоторые исследователи, в частности В. Н. Воронин, оценивают аналогичные изменения, реализованные в предыдущие годы, в качестве устойчивой тенденции частичной декриминализации¹³. Однако если анализировать реальное социально-экономическое положение, то на вопросы уголовно-правовой политики последние изменения законодательства в части повышения размеров налогов и таможенных платежей, уклонение от которых формирует состав преступления¹⁴, не оказывают существенного влияния. Полагаем достаточно сомнительным, что, увеличивая их, законодатель преследует цели усилить или ослабить уголовно-правовое воздействие. Рост указанных сумм обусловлен объективными экономическими изменениями и связан с инфляцией.

С течением времени в значительной степени изменяется реальная стоимость денежных средств. Так, по данным Росстата, уровень инфляции в Российской Федерации за 2024 г. составил 9,52 %, за 2023 г. — 7,43 %¹⁵. Следовательно, повышение значимых для привлечения к уголовной ответственности размеров налогов и сборов, таможенных пошлин нельзя оценивать в качестве реализации особого, нового направления уголовно-правовой политики по регулированию и охране публичных отношений в сфере экономики. Несмотря на формальную декриминализацию, с учетом рыночных изменений такое положение является не послаблением ответственности, а коррекцией уголовно-

правовых составов с учетом объективных показателей уровня инфляции.

Схожей логики следует придерживаться и касательно увеличения размеров дохода и ущерба, образующих составы преступлений с посягательством на частные экономические отношения. Так, повышение порогов крупного размера при причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (примечание к ст. 165 УК РФ) тоже представляет собой отражение объективных экономических изменений, связанных с инфляцией. Данный подход закономерно вытекает из темпорального анализа признака причиненного имущественного ущерба в судебной практике. Так, если в настоящее время (2021–2025 гг.) при рассмотрении уголовных дел по ст. 165 УК РФ фигурируют суммы имущественного ущерба около 22,6 млн руб.¹⁶, то ранее (в 2016 г.) подобные суммы были значительно ниже — 600 тыс. руб.¹⁷, 50–60 тыс. руб.¹⁸ Безусловно, приведенная корреляция связана лишь с частными примерами конкретных обстоятельств уголовных дел, но с учетом фактора значительной инфляции, изменения курса рубля следует заключить, что динамика размеров значимого для составов экономических преступлений ущерба не указывает на снижение интенсивности уголовно-правового регулирования и охраны соответствующих отношений. Такого рода законодательные поправки направлены на сохранение существующего уровня уголовно-правового воздействия в свете объективных экономических изменений.

В то же время представляется достаточно справедливым замечание Н. А. Лопашенко, которая указывает на отсутствие системности в определении стоимостного выражения крупно-

¹³ Уголовно-правовые риски экономической деятельности : учебник / под ред. А. А. Бимбикова, В. Н. Воронина. М., 2025. С. 366.

¹⁴ Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 15. Ст. 1972.

¹⁵ Официальная статистика по ценам и инфляции // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁶ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 13.12.2021 № 22-2117/2021.

¹⁷ Постановление Президиума Белгородского областного суда от 07.04.2016 № 4У-163/2016.

¹⁸ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 14.01.2016 № 44У-2/2016.

го (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности. Количество вариаций указанных значений применительно к различным составам преступлений, содержащихся в гл. 22 УК РФ, постоянно увеличивается, а разница между минимальным и максимальным порогом значенийтенденциозно растет¹⁹. С учетом такой ситуации и уровня инфляции в отношении посягательств на один непосредственный объект преступления законодатель (осознанно или неосознанно) сохраняет существующую степень уголовно-правового воздействия, а в отношении других осуществляет политику криминализации. Представляется, что подобное положение возникает вследствие отсутствия сформированных и конкретизированных направлений уголовно-правовой политики регулирования и охраны отношений в сфере экономики (как частных, так и публичных). В частности, законодатель установил большое количество выражений крупного размера дохода, ущерба, задолженности, но не предусмотрел факторы, влияющие на их размер. Отсутствие конкретных и зафиксированных критериев определения их стоимостного выражения приводит к бессистемности правового регулирования.

Разделение составов преступлений, предусмотренных главами 21–23 УК РФ, по принципу преобладания публичного или частного аспекта в непосредственном объекте не является универсальным при оценке современной уголовно-правовой политики. Во многом изменения, внесенные в составы преступлений, охраняющие частные интересы, направлены на обеспечение публичных интересов. И это выявляется в ходе комплексного анализа всей базы законодательства.

Так, в определенной степени регулируют и повышают интенсивность уголовно-правовой охраны публичных экономических отношений изменения, внесенные законодателем в ст. 178 УК РФ. В 2024 г. была введена повышенная уголовная ответственность за заключение

антиконкурентных соглашений, позволивших манипулировать ценами на торгах. Особенность новеллы для охраны публичных экономических отношений заключается в том, что квалифицированный состав, предусмотренный частью 2 ст. 178 УК РФ, может вменяться лицу только в случае, если совершенное деяние (антиконкурентное соглашение) повлекло повышение, снижение или поддержание цен на торгах, проведение которых в соответствии с законодательством Российской Федерации является обязательным. В частности, к случаям обязательного проведения торгов относятся: приватизация государственного и муниципального имущества согласно одноименному Федеральному закону от 21.12.2001 № 178-ФЗ; продажа и передача в аренду земельных участков, находящихся в публичной собственности (п. 1 ст. 39.3, п. 1 ст. 39.6 ЗК РФ); продажа имущества в процессе банкротства (публичные интересы затрагиваются в случае, если в качестве одного из кредиторов выступает ФНС России) и т.д. Однако указанное не исключает возможности посягательства на сугубо частные экономические отношения (например, в ходе торгов при исполнительном производстве или процедуре банкротства, где кредиторами выступают исключительно контрагенты должника, не имеющие публично-правовой природы).

Повышение уголовной ответственности за картели, которые позволили манипулировать ценами на торгах, стоит оценить в качестве положительного решения законодателя. Такой подход обосновывается тем, что процедура торгов является серьезным полем для преступных злоупотреблений со стороны ее участников, а значит, эти изменения имели объективные предпосылки. А. Н. Ляскalo еще до внесения соответствующих поправок в ст. 178 УК РФ анализировал вопрос воздействия на процедуры торгов картельных соглашений. В результате анализа судебной практики названный автор пришел к выводу, что «сговор участников торгов всегда приводил к минимальному сниже-

¹⁹ Лопашенко Н. А. Стимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 2. С. 220.

нию объявленной заказчиком начальной (максимальной) цены контракта, т.е. поддержанию цен на торгах»²⁰. Таким образом, законодатель, выделив в качестве квалифицированного состава заключение антисоциального соглашения, позволившего манипулировать ценами на торгах, отразил в законодательстве объективную потребность сложившихся экономических взаимоотношений вне зависимости от их частной или публичной природы. В данном случае закономерно отметить, что в настоящее время уголовно-правовая политика по регулированию и охране отношений в сфере экономики направлена на выявление злоупотреблений, которые объективно причиняют вред указанным общественным отношениям и не могут охватываться гуманизацией экономического уголовного законодательства. В подтверждение верности последнего утверждения стоит отметить, что слепое следование тенденциям гуманизации уголовного законодательства иррационально. Как верно отметил И. А. Клепицкий, и гуманизация уголовной политики, и ее ужесточение является злом, пока такие меры научно не обоснованы²¹. В связи с тем, что последствия заключения картельного соглашения, позволившего изменять цены на торгах, имеют масштабный экономический характер,

ужесточение уголовной ответственности в данном случае подкреплено социально-экономическими реалиями, т.е. имеет под собой обоснование.

Таким образом, современная уголовно-правовая политика регулирования и охраны отношений в сфере публичной экономики является достаточно неопределенной. Законодатель посредством уголовно-правовых мер пытается свести к минимуму злоупотребления в сфере налоговых правоотношений, в сфере реализации государственного (муниципального) имущества на торгах. Какие-либо явные направления уголовно-правовой политики в отношении регулирования и охраны частных экономических отношений не прослеживаются. Законодатель корректирует стоимостные выражения размеров крупного ущерба, дохода, задолженности, но такие изменения с учетом фактора инфляции не свидетельствуют о реальной криминализации или декриминализации. Изложенное подтверждает необходимость разработки и принятия стратегического документа по совершенствованию уголовно-правовой политики, который обобщит и систематизирует соответствующие идеи с учетом рационального разделения уголовно-правового воздействия на частные и публичные экономические отношения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гриимальская С. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Современное право. — 2024. — № 4. — С. 106–110.
2. Гринько С. Д. Уголовная политика России в сфере противодействия экономической преступности // Аграрное и земельное право. — 2021. — № 11 (303). — С. 132–135.
3. Грудинин Н. С. Содержание и основные направления уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2023. — Вып. 2 (847). — С. 130–136.
4. Клепицкий И. А. Социальная обусловленность уголовной политики // Государство и право. — 2017. — № 4. — С. 39–48.

²⁰ Ляскало А. Н. Преступления на торгах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 1. С. 118.

²¹ Клепицкий И. А. Социальная обусловленность уголовной политики // Государство и право. 2017. № 4. С. 47.

5. Лопашенко Н. А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15. — № 2. — С. 220–228.
6. Ляскalo A. N. Преступления на торгах // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17. — № 1. — С. 112–132.
7. Николаева Ю. В., Северюхина О. А. Тенденции развития уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления // Образование и право. — 2020. — № 3. — С. 353–362.
8. Уголовно-правовые риски экономической деятельности : учебник / под ред. А. А. Бимбина, В. Н. Воронина. — М. : Проспект, 2025. — 448 с.
9. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения) : монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель ; ИЗиСП при Правительстве РФ. — М. : Контракт, 2021. — 320 с.
10. Яни П. С. Неопределенность уголовно-правового регулирования отношений в сфере экономики: действительная и мнимая // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2012. — № 2. — С. 14–25.

Материал поступил в редакцию 19 марта 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grimalskaya S. A. Kontseptsiya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Sovremennoe pravo. — 2024. — № 4. — S. 106–110.
2. Grinko S. D. Ugolovnaya politika Rossii v sfere protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti // Agrarnoe i zemelnoe pravo. — 2021. — № 11 (303). — S. 132–135.
3. Grudinin N. S. Soderzhanie i osnovnye napravleniya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. — 2023. — Vyp. 2 (847). — S. 130–136.
4. Klepitskiy I. A. Sotsialnaya obuslovnost ugolovnoy politiki // Gosudarstvo i pravo. — 2017. — № 4. — S. 39–48.
5. Lopashenko N. A. Stoimostnoe vyrazhenie krupnogo (osobo krupnogo) razmerra dokhoda, ushcherba, zadolzhennosti primenitelnno k prestupleniyam v sfere ekonomicheskoy deyatelnosti // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2021. — Т. 15. — № 2. — S. 220–228.
6. Lyaskalo A. N. Prestupleniya na torgakh // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2024. — Т. 17. — № 1. — S. 112–132.
7. Nikolaeva Yu. V., Severyukhina O. A. Tendentsii razvitiya ugolovnogo zakonodatelstva ob otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya // Obrazovanie i pravo. — 2020. — № 3. — S. 353–362.
8. Ugolovno-pravovye riski ekonomicheskoy deyatelnosti: uchebnik / pod red. A. A. Bimbinova, V. N. Voronina. — M.: Prospekt, 2025. — 448 s.
9. Ekonomicheskaya bezopasnost (ugolovno-pravovye mekhanizmy obespecheniya): monografiya / otv. red. I. I. Kucherov, O. A. Zaytsev, S. L. Nudel; IZiSP pri Pravitelstve RF. — M.: Kontrakt, 2021. — 320 s.
10. Yani P. S. Neopredelennost ugolovno-pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sfere ekonomiki: deystvitelnaya i mnimaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — 2012. — № 2. — S. 14–25.